

А. Белый

Котик Летаев

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Белый**
Котик Летаев / А. Белый – М.: Книга по Требованию, 2021. – 292 с.

ISBN 978-5-517-99947-4

ISBN 978-5-517-99947-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— «Знаешь, я думаю, — сказала Наташа шопотом... — что когда вспоминаешь, вспоминаешь, все вспоминаешь, до того довспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете»...

(Л. Толстой: «Война и мир». Том II-й).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здесь, на ^{слеп} ^{сле} крутосекущей черте, — в прошлое я бросаю немые и долгие взоры...

Мне — тридцать пять лет: самосознание разорвало мне мозг и кинулось в детство; я с разорванным мозгом смотрю, как дымятся мне клубы событий; как бегут они вспять...

Прошрое пропнунто в душу; на рубеже претвего года встаю пред собой; мы — друг с другом беседуем; мы — понимаем друг друга.

Прошлый путь протянулся отчетливо: от ущелий первых младенческих лет до крутизн этого самосознающего мига; и от крутизн его до предсмертных ущелий — сбегает Грядущее; в них ледник

опять: водопадами чувств. этого мига пронутся мне в звинной; и в снежном крутне такое мне близкос, над го-

ловою висящее небо: изнемогу я над пропастью; путь нисхождения спрашен...

Я стою здесь, в горах: так же я стоял, среди гор, убежав от людей; от далеких, от близких; и оставил в долине — себя самого, протянувшего руки... к далеким вершинам, где: —

—каменистые пики грозились; вставали под небо; перекликались друг с другом; образовали огромную полифонию: пворимого космоса; и тяжковесно, опвесно — громоздились громадины; в оскалы провалов вставали туманы; мертвенно реяли облака; и — проливались дожди; бегали издали быстрые линии пиков; пальцы пиков протягивались, лазурные многозубия иснекали бледными ледниками и нервные, бледные линии гребнились повсюду; жесникулировал и расставлялся рельеф; пенились, проливались потоки с огромных пресполов; и говор громового голоса сопровождал меня всюду: по часам плясали в глазах на бегу: стены, сосны, пошюки и пропасти, камни, кладбища, деревянные, мосты; пурпур трепаных кровянил все ландшафты; крупно, мокро пара стремительно в расколах громадин; и — падал водою и солнцем; обдавал и

пар; начинал хлестать мне в лицо; облако падало под ноги: в космы потока; прыгала бурно бившая пена под молоком; но под ним все: — дрожало, рыдало, гремело, стенало и пробивалось в редющем молоке теми же водными космами...

Я стою здесь, в горах: и потоки все те же —

— с на краю их обсевшими старыми, деревянно резными домами подножной деревни и с церковною колоколенкой; «клянчат» звонкие колокольца коров неугомонно и весело — в серочерном, в обсвистанном, ветром облизанном мире, где бросаются сосны приступом на чистейшие ледники, чтобы... разбиться о стену; вот подбросилась последняя сосенка; и — повисла; вон бегущие ветры в ветвях разрешаются в свисты под черным ревом утесов; вон — горшанный флагом... меж утесами... углубляет ущелье под четкими, чистыми гранями серых громад; вдруг почувывая звуки отсюда: серебряных арфистов, цитристов; там — алмазные снег; там, отсюда — посмотри ты самый (а кто — ты не знаешь); и — тем самым взглядом (каким — ты не знаешь) посмотри, прорезав покровы природы; и — отдаваясь в душе:

исконно-знакомым, заветнейшим, незабываемым никогда...

Я стою здесь, в горах: меня ждет — нисхождение; путь нисхождения спрашен...

.

Мысли этого мига пронутся мне вдогонку лавиной; и в снежном крупне потускнеет такое мне близкое, над головою висящее небо: изнемогу я над пропастью.

Через двадцать пять лет уже вырвется у меня мое тело...

.

Восхождение — благодатно: в нем укрыт счет стремнинам; в воспоминании, как не бывшие, — они стоят: вот и вот.

Здесь и здесь ты бывал: здесь и здесь. Как же ты не сорвался?

В воспоминании сам с собой говорю: — здесь, на крутосекущей черте: —

— «Под ногами все то, что когда-то болезненно из тебя выросло и что было тобою;

— «что мертвым камнем отваливалось и пвердилось утесами...

— «Природа, тебя обспающая, — швы; среди ея угрюмых уцелий швы мне виден, младенец...

— «Ты, как я: ты — еси; мы друг в друге — узнали друг друга: все, что было, что есть и что будет, оно — между нами: самосознание — в объятиях наших»...

.

Самосознание, как младенец во мне, широко открыло глаза, и сломало все — до первой вспышки сознания; сломан лед: слов, понятий и смыслов; многообразие рассудочных истин проросло и охвачено ритмами; архитектоника ритмов осмыслилась и отряхнула бывшие мне смыслы, как мертвые листья; смысл есть жизнь: моя жизнь; она — в ритме годин: в жестыкуляции, в мимике мимо летящих событий; слово — мимика, танец, улыбка.

Понятия — водометные капли: в непрерывном кипении, в преломлении смыслов они, поднимающем радугой из них вспающего мира; объяснение — радуга; в танце смыслов — она: в танце слов; в смысле, в слове, как в капле, — нет радуги...

.

Самосознание, как младенец во мне, широко открыло глаза.

Вижу там: пережитое — пережито мной; только мной; сознание детства, сместись оно, осиль оно тридцатидвух-

летие это, — в шочке этого мига детство узнало б себя: с самосознанием оно слитно; падает все между ними; листопадами носятся смьслы слов: они отвалились от древа: и невнятица слов вокруг меня — шелестит и порхает; смьслы их я отверг; передо мной — первое сознание детства; и мы — обнимаемся:

— «Здравствуй ты, странное!»

1915 г. Октябрь.

Гошенен — Амстэг — Глион — С. Морис.

Глава первая.

БРЕДОВЫЙ ЛАБИРИНТ.

Час шоски невыразимой...
Все — во мне... И я — во всем.
Ф. Тютчев.

«Ты — еси».

Первое «ты — еси» схватывает меня
безобразными бредами; и —

— какими то
стародавними, знакомыми искони:
невыразимости, небывалости лежа-
ния сознания в теле, ощущение ма-
тематически точное, что ты — и
ты, и не ты, а... какое то набухание
в никуда и ничто, которое все равно
не осилить, и —

— «Что это?»...

Так бы я сгустил словом неизречен-
ность восприятия моей младенческой
жизни: —

— боль сидения в органах; ощу-
щения были ужасны; и беспредметны;

тем не менее — стародавни: искомно-знакомы: —

— не было деления на «Я» и «не — Я» не было ни пространства, ни времени...

И вместо этого было: —

— состояние натяжения ощущений; будто все-все-все ширилось: расширялось, душило; и начинало носиться в себе крылорогими пучами.

Позднее возникло подобие: переживающий себя шар; многоочитый и обращенный в себя, переживающий себя шар ощущал лишь — «внутри»; ощущались неодолимые дали: с периферии и к... центру.

И сознание было: сознаванием необъятного, обниманием необъятного; неодолимые дали пространств ощущались ужасно; ощущение выбегало с окружности шарового подобия — щупать: внутри себя... дальше; ощущением сон-знание лезло: внутри себя... внутри себя-достигалось смутное знание: переносилось сознание; с периферии какими-то крылорогими пучами несло оно к центру; и — мучилось.

— «Так нельзя».

— «Без конца»...

— «Перешигиваюсь»...

— «Помогите»...

Центр — вспыхивал: —

— «Я — один в не-
об'ятном».

— «Ничего внутри:
все — во вне»...

И опять угасал. Сознание, расширяясь, бежало обратно.

— «Так нельзя, так нельзя: Помогите»...

«Я — ширюсь»... —

— так сказал бы мла-
денец, если бы мог он сказать, если бы
мог он понять; и — сказать он не мог;
и — понять он не мог; и — младенец кри-
чал: отчего, — не понимали, не поняли.

.

Образование сознания.

В то далекое время «Я» не был... —

— Было
хилое тело; и сознание, обнимая его,
переживало себя в непроницаемой необ'-
ятности; тем не менее, проникаясь со-
знанием, тело пучилось ростом, будто
грецкая губка, вобравшая в себя воду;
сознание было вне тела; в месте тела
же ощущался громадный провал: созна-
ния в нашем смысле, где еще мысли не

было, где еще возникали.. —

— (если бы
ощущения эти остались мне в моих
будущих днях и если бы в это тем-
ное место вошло полноумие их и
осветило б мне тело; если бы по-
вернуться мне взором в себя и осве-
пить мне себя;— то увидел бы я:
наше небо; облака шам бегут на
громах в моем небе духовно-душев-
ности белоходным изливом; а из-
ливы — ветрятся, ветвятся; и —
листьяются; раскидается мыслями все;
и это все отражается: в небе над
нами; оптого то оно говорит; и
оптого оно — ведомо...) —

— где еще
мысли не было, где еще возникали мне:
первые кипения бреда.

.....

Образовались мне накипи: накипала
мне теплота; и я мучился красным ис-
жаром; перекипало сознанием обдиное
тело (зашипаяют пузырьчатой пеною косни
в кислотах); и накипел... первый образ:
закипела в образах моя жизнь; и возни-
кали на накипях накипи мне: —

предметы
и мысли...

.....